

Павел Бажов

Горный мастер

Катя - Данилова-то невеста - незамужницей осталась. Года два либо три прошло, как Данило потерялся, - она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то годов, по-нашему, по-заводскому, перестарок считается. Парни таких редко сватают, вдовцы больше. Ну, а эта Катя, видно, пригожая была, к ней всё женихи лезут, а у ней только и слов:

- Данилу обещалась.

Ее уговаривают:

- Что поделаешь! Обещалась, да не вышла. Теперь об этом и поминать не к чему. Давно человек изгиб.

Катя на своем стоит:

- Данилу обещалась. Может, и придет еще он.

Ей толкуют:

- Нет его в живых. Верное дело.

А она уперлась на своем:

- Никто его мертвым не видал, а для меня он и подавно живой.

Видят - не в себе девка, - отстали. Иные на смех еще подымать стали: прозвали ее мертвяковой невестой. Ей это прильнуло. Катя Мертвякова да Катя Мертвякова, ровно другого прозвания не было.

Тут какой-то мор на людей случился, и у Кати старики-то оба умерли. Родство у нее большое. Три брата женатых да сестер замужних сколько-то. Рассорка промеж ними и вышла - кому на отцовском месте оставаться. Катя видит - бестолковщина пошла, и говорит:

- Пойду-ка я в Данилушкову избу жить. Вовсе Прокопъич старый стал. Хоть за ним похожу. Братья-сестры уговаривать, конечно:

- Не подходит это, сестра. Прокопъич хоть старый человек, а мало ли что про тебя сказать могут.

- Мне-то, - отвечает, - что? Не я сплетницей стану. Прокопъич, поди-ко, мне не чужой. Приемный отец моему Данилу. Тятенькой его звать буду.

Так и ушла. Оно и то сказать: семейные не крепко вязались. Про себя думали: лишний из семьи - шуму меньше. А Прокопъич что? Ему по душе пришлось.

- Спасибо, - говорит, - Катенька, что про меня вспомнила.

Вот и стали они поживать. Прокопъич за станком сидит, а Катя по хозяйству бегаёт - в огороде там, сварить-постряпать и протча. Хозяйство невелико, конечно, на двоих-то... Катя - девушка проворная, долго ли ей!.. Управится и садится за какое рукоделье: сшить-связать, мало ли. Сперва у них гладенько катилось, только Прокопъичу все хуже да хуже. День сидит, два лежит. Изробился, старый стал. Катя и заподумывала, как они дальше-то жить станут.

"Рукодельем женским не прокормишься, а другого ремесла не знаю".

Вот и говорит Прокопъичу:

- Тятенька! Ты бы хоть научил меня чему попроще.

Прокопъичу даже смешно стало.

- Что ты это! Девичье ли дело за малахитом сидеть! Отродясь такого не слыхивал.

Ну, она все ж таки присматриваться к Прокопъичеву ремеслу стала. Помогала ему, где можно. Распилить там, пошлифовать. Прокопъич и стал ей то-другое показывать. Не то, чтобы настоящее. Бляшку обточить, ручки к вилкам-ножам сделать и протча, что в ходу было. Пустяшно, конечно, дело, копеечно, а все разоставок при случае.

Прокопъич недолго зажился. Тут братья-сестры уж понуждать Катю стали:

- Теперь тебе заневолю надо замуж выходить. Как ты одна жить будешь?

Катя их обрезала:

- Не ваша печаль. Никакого мне вашего жениха не надо. Придет Данилушко. Выучится в горе и придет.

Братья-сестры руками на нее машут:

- В уме ли ты, Катерина? Эдакое и говорить грех! Давно умер человек, а она его ждет! Гляди, еще блазнить (мерещиться. - Ред.) станет.

- Не боюсь, - отвечает, - этого.

Тогда родные спрашивают:

- Чем ты хоть жить-то станешь?

- Об этом, - отвечает, - тоже не заботьтесь. Продержусь одна.

Братья-сестры так поняли, что от Прокопьяча деньжонки остались, и опять за свое:

- Вот и вышла дура! Коли деньги есть, мужика бесприменно в доме надо. Не ровен час, - поохотится кто за деньгами. Свернут тебе башку, как куренку. Только и свету видела.

- Сколько, - отвечает, - на мою долю положено, столько и увижу.

Братья-сестры долго еще шумели. Кто кричит, кто уговаривает, кто плачет, а Катя заколодила свое:

- Продержусь одна. Никакого вашего жениха не надо. Давно у меня есть.

Осердились, конечно, родные:

- В случае, к нам и глаз не показывай!

- Спасибо, - отвечает, - братцы милые, сестрицы любезные! Помнить буду. Сами-то не забудьте - мимо похаживайте!

Смеется, значит. Ну, родня и дверями хлоп.

Осталась Катя одна-одинешенька. Поплакала, конечно, сперва, потом и говорит:

- Врешь! Не поддамся!

Вытерла слезы и по хозяйству занялась. Мыть да скоблить - чистоту наводить. Управилась - и сразу к станку села. Тут тоже свой порядок наводить стала. Что ей не нужно, то подальше, а что постоянно требуется, то под руку. Навела так-то порядок и хотела за работу садиться:

"Попробую сама хоть одну бляшку обточить".

Хватились, а камня подходящего нет. Обломки Данилушковой дурман-чашки остались, да Катя берегла их. В особом узле они были завязаны. И Прокопьяча камня, конечно, много было. Только Прокопьяч до смерти на больших работах сидел. Ну, и камень все крупный. Обломки да кусочки все подобрались - порасходовались на мелкую поделку. Вот Катя и думает:

"Надо, видно, сходить на руднишных отвалах поискать. Не попадет ли подходящий камешок".

От Данилы да и от Прокопьяча она слыхала, что они у Змеиной горки брали. Вот туда и пошла.

На Гумешках, конечно, всегда народ: кто руду разбирает, кто возит. Глядят на Катю-то - куда она с корзинкой пошла. Кате это нелюбо, что на нее зря глаза пялят. Она и не стала на отвалах с этой стороны искать, обошла горку-то. А там еще лес рос. Вот Катя по этому лесу и забралась на самую Змеиную горку, да тут и села. Горько ей стало - Данилушку вспомнила. Сидит на камне, а слезы так и бегут. Людей нет, лес кругом, - она и не сторожится. Так слезы на землю и каплют.

Поплакала, глядит - у самой ноги малахит-камень обозначился, только весь в земле сидит. Чем его возьмешь, коли ни кайлы, ни лома? Катя все-таки пошевелила его рукой. Показалось, что камень не крепко сидит. Вот она и давай прутиком каким-то землю отгребать от камня. Отгребла, сколько можно, стала вышатывать. Камень и подался. Как хрупнуло снизу, - ровно сучок обломился. Камешок небольшой, вроде плитки. Толщиной пальца в три, шириной в ладонь, а длиной не больше двух четвертей. Катя даже подивилась.

- Как раз по моим мыслям. Распилю его, так сколько бляшек выйдет. И потери самый пустяк. Принесла камень домой и сразу занялась распиливать. Работа не быстрая, а Кате еще надо по

домашности управляться. Глядишь, весь день в работе, и скучать некогда. Только как за станок садиться, все про Данилушку вспомнит:

- Поглядел бы он, какой тут новый мастер объявился. На его-то да Прокопьевом месте сидит! Нашлись, конечно, охальники. Как без этого... Ночью под какой-то праздник засиделась Катя за работой, а трое парней и перелезли к ней в ограду. Попугать хотели али и еще что - их дело, только все выпивши. Катя ширкает пилой-то и не слышит, что у ней в сенках люди. Услышала, когда уж в избу ломиться стали:

- Отворяй, мертвякова невеста! Принимай живых гостей!

Катя сперва уговаривала их:

- Уходите, ребята!

Ну, им это ничего. Ломятся в дверь, того и гляди - сорвут. Тут Катя скинула крючок, расхлобыснула двери и кричит:

- Заходи, нето. Кого первого лобанить?

Парни глядят, а она с топором.

- Ты, - говорят, - без шуток!

- Какие - отвечает, - шутки! Кто за порог, того и по лбу.

Парни хоть пьяные, а видят - дело нешуточное. Девка возрастная, оплечье крутое, глаз решительный, и топор, видать, в руках бывал. Не посмели ведь войти-то. Пошумели-пошумели, убрались да еще сами же про это рассказали. Парней и стали дразнить, что они трое от одной девки убежали. Им это не полюбилось, конечно, они и сплели, будто Катя не одна была, а за ней мертвяк стоял.

- Да такой страшный, что заневолю убежишь.

Парням поверили - не поверили, а по народу с той поры пошло:

- Нечисто в этом доме. Недаром она одна-одинешенька живет.

До Кати это донеслось, да она печалиться не стала. Еще подумала: "Пушай плетут. Мне так-то и лучше, если побаиваться станут. Другой раз, глядишь, не полезут".

Соседи и на то дивятся, что Катя за станком сидит. На смех ее подняли:

- За мужичье ремесло принялась! Что у нее выйдет!

Это Кате солонее пришлось. Она и сама подумывала: "Выйдет ли у меня у одной-то?" Ну, все ж таки с собой совладала: "Базарский товар! Много ли надо? Лишь бы гладко было... Неуж и того не осилю?"

Распилила Катя камешок. Видит - узор на редкость пришелся, и как намечено, в котором месте поперек отпилить. Подивилась Катя, как ловко все пришлось. Поделила по-готовому, обтачивать стала. Дело не особо хитрое, а без привычки тоже не сделаешь. Помаялась сперва, потом научилась. Хоть куда бляшки вышли, а потери и вовсе нет. Только и в брос, что на сточку пришлось.

Наделала Катя бляшек, еще раз подивилась, какой выходной камешок оказался, и стала смекать, куда сбыть поделку. Прокопич такую мелочь в город, случалось, возил и там все в одну лавку сдавал. Катя много раз про эту лавку слыхала. Вот она и придумала сходить в город.

"Спрошу там, будут ли напередки мою поделку принимать".

Затворила избушку и пошла пешочком. В Полевой и не заметили, что она в город убралась. Узнала Катя, где тот хозяин, который у Прокопича поделку принимал, и заявила прямо в лавку. Глядят - полно тут всякого камня, а малахитовых бляшек целый шкаф за стеклом. Народу в лавке много. Кто покупает, кто поделку сдает. Хозяин строгий да важный такой.

Катя сперва и подступить боялась, потом насмелилась и спрашивает:

- Не надо ли малахитовых бляшек?

Хозяин пальцем на шкап указал:

- Не видишь, сколь у меня добра этого?

Мастера, которые работу сдавали, припевают ему:

- Много ноне на эту поделку мастеров развелось. Только камень переводят. Того не понимают, что для бляшки узор хороший требуется.

Один-то мастер из полевских. Он и говорит хозяину потихоньку:

- Недоумок эта девка. Видели ее соседи за станком-то. Вот, поди, настряпала.

Хозяин тогда и говорит:

- Ну-ко, покажи, с чем пришла? Катя и подала ему бляшку. Поглядел хозяин, потом на Катю уставился и говорит:

- У кого украла?

Кате, конечно, это обидно показалось. По-другому она заговорила:

- Какое твое право, не знаючи человека, эдак про него говорить? Гляди вот, если не слепой! У кого можно столько бляшек на один узор украсть? Ну-ко, скажи! - и высыпала на прилавок всю поделку.

Хозяин и мастера видят - верно, на один узор. И узор редкостный. Будто из середины-то дерево выступает, а на ветке птица сидит и внизу тоже птица. Явственно видно и сделано чисто.

Покупатели слышали этот разговор, потянулись тоже поглядеть, только хозяин сразу все бляшки прикрыл. Нашел заделье.

- Не видно кучей-то. Сейчас я их под стекло разложу. Тогда и выбирайте, что кому любо. - А сам Кате говорит: - Иди вон в ту дверь. Сейчас деньги получишь.

Пошла Катя, и хозяин за ней. Затворил дверку, спрашивает:

- Почем сдаешь?

Катя слыхала от Прокопьяча цены. Так и сказала, а хозяин давай хохотать:

- Что ты!.. Что ты! Таковую-то цену я одному полевскому мастеру Прокопьячу платил да еще его приемышу Данилу. Да ведь то мастера были!

- Я, - отвечает, - от них и слыхала. Из той же семьи буду.

- Вон что! - удивился хозяин. - Так это, видно, у тебя Данилова работа осталась?

- Нет, - отвечает, - моя

- Камень, может, от него остался?

- И камень сама добывала.

Хозяин, видать, не верит, а только рядиться не стал. Рассчитался по-честному да еще говорит:

- Вперед случится такое сделать, неси. Безотказно принимать буду и цену положу настоящую.

Ушла Катя, радуется, - сколько денег получила! А хозяин те бляшки под стекло выставил.

Покупатели набежали:

- Сколько?

Он, конечно, не ошибся, - в десять раз против купленного назначил, да и наговаривает:

- Такого узора еще не бывало. Полевского мастера Данилы работа. Лучше его не сделать. Пришла Катя домой, а сама все дивится:

- Вот штука какая! Лучше всех мои бляшки оказались! Хорош камешок попался. Случай, видно, счастливый подошел. - Потом и хватилась: - А не Данилушко ли это мне весточку подал?

Подумала так, скрутилась и побежала на Змеиную горку.

А тот малахитчик, который хотел Катю перед городским купцом оконфузить, тоже домой воротился. Завидно ему, что у Кати такой редкостный узор получился. Он и придумал:

- Надо поглядеть, где она камень берет. Не новое ли какое место ей Прокопьяч либо Данило указали?

Увидел, что Катя куда-то побежала, он и пошел за ней. Видит - Гумешки она обошла стороной и куда-то за Змеиную горку пошла. Мастер туда же, а сам думает: "Там лес. По лесу-то к самой ямке прокрадусь".

Зашли в лес. Катя вовсе близко и нисколько не сторожится, не оглядывается, не прислушивается. Мастер радуется, что ему так легонько достанется новое место. Вдруг в сторонке что-то зашумело, да так, что мастер даже испугался. Остановился. Что такое? Пока он так-то разбирался, Кати и не стало. Бегал он, бегал по лесу. Еле выбрался к Северскому пруду - версты, поди, за две от Гумешек.

Катя сном дела не знала, что за ней подглядывают. Забралась на горку, к тому самому месту, где первый камешок брала. Ямка будто побольше стала, а сбоку опять такой же камешок видно. Пошатала его Катя, он и отстал. Опять, как сучок, хрупнул. Взяла Катя камешок и заплакала-запричитала. Ну, как девки-бабы по покойнику режут, всякие слова собирают:

- На кого ты меня, мил сердечный друг, покинул, - и протча тако...

Наревелась, будто полегче стало, стоит - задумалась, в руднишную сторону глядит. Место тут вроде полянки. Кругом лес густой да высокий, а в руднишную сторону помельче пошел. Время на закате. По низу от лесу на полянке темнеть стало, а в то место - к руднику солнышко пришлось. Так и горит это место, и все камешки на нем блестят.

Кате это любопытно показалось. Хотела поближе подойти. Шагнула, а под ногой и схрупало. Отдернула она ногу, глядит - земли-то под ногами нет.

Стоит она на каком-то высоком дереве, на самой вершине. Со всех сторон такие же вершины подошли. В прогалы меж деревьями внизу видно травы да цветы, и вовсе они на здешние не походят.

Другая бы на Катином месте перепугалась, крик-визг подняла, а она вовсе о другом подумала: "Вон она, гора, раскрылась! Хоть бы на Данилушку взглянуть!"

Только подумала и видит через прогалы - идет кто-то внизу, на Данилушку походит и руки вверх тянет, будто сказать что хочет. Катя свету не взвидела, так и кинулась к нему... с дерева-то! Ну, а пала тут же на землю, где стояла. Образумилась да и говорит себе:

- Верно, что блазнить мне стало. Надо поскорее домой идти.

Идти надо, а сама сидит да сидит, все ждет, не вскрыется ли еще гора, не покажется ли опять Данилушко. Так до потемок и присидела. Тогда только и домой пошла, а сама думает: "Повидала все-таки Данилушку".

Тот мастер, который за Катей подглядывал, домой к этому времени выбежал. Поглядел - избушка у Кати заперта. Он и притаился, - посмотрю, что она притащила. Видит - идет Катя, он и встал поперек дороги:

- Ты куда это ходила?

- На Змеиную, - отвечает.

- Ночью-то? Что там делать?

- Данилу повидать...

Мастер так и шарахнулся, а на другой день по заводу шепотки поползли:

- Вовсе рехнулась мертвякова невеста. По ночам на Змеиную ходит, покойника ждет. Как бы еще завод не подошла, с малого-то ума.

Братья-сестры прослышали, опять прибежали, давай строжить да уговаривать Катю. Только она и слушать не стала. Показала им деньги и говорит:

- Это, думаете, откуда у меня? У хороших мастеров не берут, а мне за перводелку столько отвалили! Почему так?

Братья слышали про ее-то удачу и говорят:

- Случай счастливый вышел. О чем тут говорить.

- Таких, - отвечает, случаев не бывало. Это мне Данило сам такой камень подложил и узор вывел. Братья смеются, сестры руками машут:

- И впрямь рехнулась! Надо приказчику сказать. Как бы всамделе завод не подожгла!

Не сказали, конечно. Постыдились сестру-то выдавать. Только вышли да и сговорились:

- Надо за Катериной глядеть. Куда пойдет - сейчас же за ней бежать.

А Катя проводила родню, двери заперла да принялась новый-то камешок распиливать. Пилит да загадывает:

- Коли такой же издастся, значит, не поблазнило мне - видала я Данилушку.

Вот она и торопится распилить. Поглядеть-то ей поскорее охота, как по-настоящему узор выйдет.

Ночь уж давно, а Катя все за станком сидит. Одна сестра проснулась в эту пору, увидела огонь в избе, подбежала к окошку, смотрит сквозь щелку в ставне и дивится:

- И сон ее не берет! Наказанье с девкой!

Отпилила Катя досочку - узор и обозначился. Еще лучше того-то. Птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит. Пять раз этот узор на досочке. Из точки в точку намечено, как поперек распилить. Катя тут и думать не стала. Схватилась да и побежала куда-то. Сестра за ней. Дорогой-то постучалась к братьям - бегите, дескать, скорей. Выбежали братья, еще народ сбили. А уже светленько стало. Глядят - Катя мимо Гумешек бежит. Туда все и кинулись, а она, видно, и не чувствует, что народ за ней. Пробежала рудник, потише пошла в обход Змеиной горки. Народ тоже призадержался - посмотрим, дескать, что она делать будет.

Катя идет, как ей привычно, на горку. Взглянула, а лес кругом какой-то небывалый. Пощупала рукой дерево, а оно холодное да гладкое, как камень шлифованный. И трава понизу тоже каменная оказалась, и темно еще тут. Катя и думает:

"Видно, я в гору попала".

Родня да народ той порой переполошились:

- Куда она девалась? Сейчас близко была, а не стало!

Бегают, суетятся. Кто на горку, кто кругом горки. Перекликаются друг с дружкой: "Там не видно?"

А Катя ходит в каменном лесу и думает, как ей Данилу найти. Походила-походила да и закричала:

- Данило, отзовись!

По лесу голк пошел. Сучья запостукивали: "Нет его! Нет его! Нет его!" Только Катя не унялась.

- Данило, отзовись!

По лесу опять: "Нет его! Нет его!"

Катя снова:

- Данило, отзовись!

Тут Хозяйка горы перед Катей и показалась.

- Ты зачем, - спрашивает, - в мой лес забралась? Чего тебе? Камень, что ли, хороший ищешь?

Любой бери да уходи поскорее!

Катя тут и говорит:

- Не надо мне твоего мертвого камня! Подавай мне живого Данилушку. Где он у тебя запрятан?

Какое твое право чужих женихов сманивать?

Ну, смелая девка. Прямо на горло наступать стала. Это Хозяйке-то! А та ничего, стоит спокойненько:

- Еще что скажешь?

- А то и скажу - подавай Данилу! У тебя он... Хозяйка расхохоталась да и говорит:

- Ты, дура-девка, знаешь ли, с кем говоришь?

- Не слепая, - кричит, - вижу. Только не боюсь тебя, разлучница! Нисколечко не боюсь! Сколь ни хитро у тебя, а ко мне Данило тянется. Сама видала. Что, взяла?

Хозяйка тогда и говорит:

- А вот послушаем, что он сам скажет. До того в лесу темненько было, а тут сразу ровно он ожил. Светло стало. Трава снизу разными огнями загорелась, деревья одно другого краше. В прогалы полянку видно, а на ней цветы каменные, и пчелки золотые, как искорки, над теми цветами. Ну, такая, слышь-ко, красота, что век бы не нагляделся. И видит Катя - бежит по этому лесу Данило. Прямо к ней. Катя навстречу кинулась: "Данилушко!"

- Подожди, - говорит Хозяйка и спрашивает: - Ну, Данило-мастер, выбирай - как быть? С ней пойдешь - все мое забудешь, здесь останешься - ее и людей забыть надо.

- Не могу, - отвечает, - людей забыть, а ее каждую минуту помню.

Тут Хозяйка улыбнулась светленько и говорит:

- Твоя взяла, Катерина! Бери своего мастера. За удалость да твердость твою вот тебе подарок.

Пусть у Данилы все мое в памяти останется. Только вот это пусть накрепко забудет! - И полянка с диковинными цветами сразу потухла. - Теперь ступайте в ту сторону, - указала Хозяйка да еще упредила: - Ты, Данило, про гору людям не сказывай. Говори, что на выучку к дальнему мастеру ходил. А ты, Катерина, и думать забудь, что я у тебя жениха сманивала. Сам он пришел за тем, что теперь забыл.

Поклонилась тут Катя:

- Прости на худом слове!

- Ладно, - отвечает, - что каменной сделается! Для тебя говорю, чтоб остуды у вас не было.

Пошли Катя с Данилой по лесу, а он все темней да темней, а под ногами неровно - бугры да ямки. Огляделись, а они на руднике - на Гумешках. Время еще раннее, и людей на руднике нет. Они потихоньку и пробрались домой. А те, что за Катей побежали, все еще по лесу бродят да перекликаются: "Там не видно?"

Искали-искали - не нашли. Прибежали домой, а Данило у окошка сидит.

Испугались, конечно. Чураются, заклятья разные говорят. Потом видят - трубку Данило набивать стал. Ну и отошли.

"Не станет же, - думают, - мертвяк трубку курить".

Подходить стали один по одному. Глядят - и Катя в избе. У печки толкошится, а сама веселехонька. Давно ее такой не видали. Тут и вовсе осмелели, в избу вошли, спрашивать стали:

- Где это тебя, Данило, давно не видно?

- В Кольвань, - отвечает, - ходил. Прослышал про тамошнего мастера по каменному делу, будто лучше его нет по работе. Вот и заохотило поучиться маленько. Тятенька покойный отговаривал.

Ну, а я посамовольничал - тайком ушел, Кате вон только сказался.

- Пошто, - спрашивают, - чашу свою разбил?

- Ну, мало ли... С вечорки пришел... Может, выпил лишка... Не по мыслям пришлась, вот и ахнул. У всякого мастера такое, поди, случилось. О чем говорить.

Тут братья-сестры к Кате приступить стали, почему не сказала про Кольвань-то. Только от Кати тоже немного добились. Сразу отрезала:

- Чья бы корова мычала, моя бы молчала. Мало я вам сказывала, что Данило живой. А вы что?

Женихов мне подсовывали да с пути сбивали! Садитесь-ка лучше за стол. Испеклась у меня чирла-то (яичница-глазья. - Ред.).

На том дело и кончилось. Посидела родня, поговорили о том, другом, разошлась. Вечером пошел Данило к приказчику объявиться. Тот пошумел, конечно. Ну, все-таки уладили дело.

Вот и стали Данило с Катей в своей избушке жить. Хорошо, сказывают, жили, согласно. По работе-

то Данилу все горным мастером звали. Против него никто не мог сделать. И недостаток у них появился. Только нет-нет - и задумается Данило. Катя понимала, конечно, - о чем, да помалкивала.